

УДК 323.226

doi: 10.18101/2304-4446-2018-4-71-81

**БУНТ, ВОССТАНИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ:
ОРГАНИЗОВАННОЕ НАСИЛИЕ ГОРОЖАН В КОНТЕКСТЕ
МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

При поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»

© Пустовойт Юрий Александрович

кандидат политических наук, доцент,

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,

Россия, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

E-mail: pustovoit1963@gmail.com

Исследование направлено на изучение революционных волн — серий следующих друг за другом революций как рациональных действий, организованных против власти с привлечением масс и применением средств насилия для изменения сложившихся институтов. Революционные события рассматриваются в контексте ключевых модернизационных процессов: бюрократизации, секуляризации, капиталистической индустриализации и коллегиально разделенной власти, отношение к которым служит основанием для раскола элит, и проявляются как череда конфликтов в городах — местах повышенной плотности гетерогенного населения. В центре внимания — сравнение событий, произошедших в 1848 г. в Пруссии и России и в 2011 г. в Сирии и Иордании. В качестве основного метода используется макроисторический подход, в качестве эмпирической базы — комплекс исторических и страноведческих исследований, мемуары и публицистика. Сопоставление экономических, демографических, культурно-исторических, идеологических и военных факторов позволяет выделить общие и особенные тенденции возникновения и развития революционных ситуаций, что дает возможность объяснить уровень насилия и формирование в «переживших» революцию обществах авторитарного или демократического режима.

Ключевые слова: революционные волны; революция; весна народов; арабская весна; бархатная революция; причины революций; модернизация; город; элиты; макроисторический подход.

Как будут выглядеть возможные революции будущего? Почему при близких политических, экономических и социальных условиях революции происходят в одних странах и не происходят в других? Почему успех революций в одних обществах не означает его в других? И, наоборот, почему иногда в революционную волну попадают те государства, которые выступают образцами социальной стабильности и политико-социального консенсуса? От каких условий зависит уровень насилия во время революционных событий? И, наконец, почему после революции одни группы, пришедшие к власти, начинают формирование демократических институтов, а другие вне зависимости от провозглашаемых идеалов начинают создавать правила, при которых любая неправительственная политическая инициатива объявляется преступлением?

С определенной периодичностью эти вопросы становятся предметом и научного обсуждения, и политического дискурса. Предлагаемый к обсуждению материал является частью проекта «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XX вв: макроисторический и социально-философский анализ» (научный руководитель проф. Н. С. Розов, участники — кандидаты наук С. И. Филиппов, В. В. Цыганков, Ю. А. Пустовойт). Революционные волны представляют собой серии социальных революций, характеризующихся либо общими причинами, либо общими идеями-лозунгами, либо причинным воздействием друг на друга по принципу «домино». На основании работ Дж. Голдстоуна [6], С. Циреля [28] и совместных обсуждений Н. С. Розов выделял 27 революционных цепочек и 28 факторов, выступающих в качестве причинных (в статье количество факторов сведено к четырем). Детализация и обоснование этих феноменов и их причин выходят далеко за рамки предлагаемого материала, и здесь мы рассмотрим и сопоставим между собой события революционных волн «весны народов» на примере Пруссии, революций 1989 г. на примере стран Восточной Европы и «арабской весны» на примере Сирии. В качестве страны донора в первом случае выступает Франция, во втором — Тунис, а как контрольные (нет революционных событий) взяты Россия и Иордания. Таким образом, предлагаемые здесь результаты небольшого пилотажного исследования, выполненного в макроисторической перспективе, построены на сопоставлении положительных (революция произошла) и отрицательных (нет революционных событий) случаев в выбранных странах «весны народов» и «арабской весны». На этом этапе работы эмпирической базой служит комплекс исторических и страноведческих исследований, дополняемых мемуарами, публицистическими текстами и статистикой. В качестве основного метода использованы логические средства анализа причинных связей [23].

Прежде всего, необходимо выделить революцию из близких по проявлению, но различных по содержанию и целевым установкам действий и рассмотреть место революции в контексте модернизационных процессов. Революция как «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации... во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [6, с. 15] конечно же, требует эмоционального воодушевления и координации усилий больших масс людей, готовых не только рискнуть своим статусом, положением и, возможно, жизнью для переустройства государства и изменения общественных норм, но и применить любое, в том числе и физическое, насилие по отношению к носителям иной точки зрения. От революций следует отличать «бунты» и «восстания». Первые представляют собой стихийную реакцию на действия властей, носят непродолжительный характер и направлены против конкретных лиц без особых претензий на изменение социально-политической ситуации. Вторые отличаются большей степенью организованности, однако требования восставших обычно ограничены сменой правительства и предоставлением льгот и привилегий отдельным социальным группам и не претендуют на расширение политических прав или изменения стратификационных характеристик. Революционные события могут начинаться как бунт (Макс Вебер определил бы их как «аффективные»), но по мере развития действия приобретают организованный, целерациональный характер, итогом чего может стать законодательство, по которому

условный месье Бонасье голосует на выборах за кандидата в президенты господина Ришелье, находясь в том же политическом статусе, как и господин д'Артаньян, отдавший свой голос на тех же выборах за вчерашнюю секс-рабыню, мигрантку и феминистку госпожу Анну Австрийскую. Или гипотетический член ВКП(б), секретарь райкома Иван Жуков, подписывающий расстрельный список, включающий дочку хозяйки, бывшую барыню и пару-тройку обеспеченных односельчан.

Начнем с того, что выделим факторы, наличие и высокие показатели по которым обуславливают возникновение революционной ситуации или попадание в революционную волну. Революционные события обычно разворачиваются в городах, как правило, в столицах. Именно крупные города представляют собой «точки сборки» латентных, связанных с модернизацией конфликтов. Отталкиваясь от идей Р. Коллинза, обосновавшего представление о модернизации как движении по четырехмерному континууму и выделившего четыре универсальных модернизационных процесса: бюрократизацию, секуляризацию, капиталистическую индустриализацию и демократизацию [12, с. 264–267], определим четыре области конфликтов, лежащих в основании раскола элит, которые могут быть ими спроецированы на массы с целью мобилизации, поддержки и изменения существующего равновесия.

Раскол элит, появление взаимоисключающих требований к принимаемым решениям среди лиц, находящихся во главе ключевых институтов и организаций, контролирующих наиболее значимые ресурсы, участвующих в выработке стратегических (долгосрочных) решений, могут проходить по всем модернизационным измерениям или лишь по некоторым из них. Всегда есть столкновения между сторонниками и противниками:

- бюрократизации как определении единых правовых стандартов и их оппонентами, настаивающими на сохранении патримониальных, основанных на родстве и личной преданности отношений;
- секуляризации как вытеснения из повседневной публичной жизни трансцендентальных символов легитимации власти и борцами за сохранение и расширение духовной традиции;
- капиталистического производства с неизбежным включением в промышленную революцию и снятием таможенных барьеров и конструкторов своей, особой уникальной экономической программы;
- демократизации коллегиального разделения власти и увеличения доли населения, участвующих в выборах и защитниками элитизма.

Степень раскола — «s» (здесь мы воспользуемся предложением Н. С. Розова) может быть измерена по оценке от одного до трех, где «0» означает отсутствие свидетельств о появлении недовольных групп из держателей ключевых ресурсов (нет сведений о заговорах и конфликтах), «1» — такие группы есть, но не по всем основаниям и не стремящиеся для достижения своих целей апеллировать к широким слоям общественности, «2» — наличие среди элиты групп с взаимоисключающими интересами и не стремящимися к компромиссу.

Степень раскола усиливается при наличии влиятельной политической альтернативы («а»), которая означает наличие альтернативных действующей власти

идей (идеологий), организаций и лидеров, регулярно мобилизующих своих сторонников на протестные действия. Оценим «2», когда такая альтернатива есть, «1» — альтернатива средней силы и «0», когда популярные идеи и яркие лидеры отсутствуют.

Следующим фактором нестабильности выступает уровень делигитимации власти, что означает не только потерю действующей властью силовой, авторитетной, популярной и международной легитимности, но и потерю веры в возможность законным путем улучшить действующую ситуацию [24; 28]. Обозначив его как «d», также оценим его как степень распространения текстов, дискредитирующих действующую власть, где «0» означает высокую легитимность и отсутствие широкого интереса к антиправительственной деятельности, «2» — низкую легитимность, регулярные протесты, призывы к свержению власти.

Три фактора — величина масс недовольных («р»), внешняя поддержка протеста («i») и низкая лояльность аппарата принуждения («с») — также могут быть измерены по системе оценок от «0» до «2», где на одном полюсе находятся терпеливое, в основном пожилое деревенское население, преданная режиму армия и полиция и международная солидарность с верховной властью, на другом — сконцентрированное в городах, пролетаризированное, преимущественно молодое население, имеющее мало шансов на вертикальную мобильность, армия и полиция, не пользующиеся популярностью и доверием ни у власти, ни у населения, оказание поддержки протестующим со стороны влиятельных стран и авторитетных международных организаций. Отметим, что в отличие от предыдущих эти три фактора начинают ярко проявляться уже после триггерного события в ходе борьбы. Триггером («g» — эмоционально насыщенное событие) может стать любая вполне ординарная ситуация (подача петиции, выборы, административный конфликт), которая при неудачном для действующей власти, порой драматическом стечении обстоятельств — роковой выстрел, неожиданный выигрыш оппозиции, самосожжение, вызывает сильные эмоции и запускает цепочку радикальных действий, в ходе чего число протестующих многократно увеличивается, протест радикализуется, попытки его усмирения («тушить огонь бензином») приводят только к его расширению. Обычно триггерное событие происходит на фоне более глубокого слоя причинности: экономического кризиса, военного поражения или успеха революции в близком по социальным и культурным основаниям обществе. Таким образом, формулу революции можно представить как $R=(s+a+d) + g + (p+i+c)$, причем факторы второго порядка могут действовать в сторону «удушения революции» (инертность масс, лояльность силовиков и отсутствие международной поддержки).

Уровень насилия во время революции, на наш взгляд, зависит от четырех значимых факторов: опыт применения насилия, демографическая ситуация и связанная с ней типовая модель культурного воспитания, наличие сословных, стратификационных и культурных сегрегационных барьеров.

Опыт применения насилия (N) связан с недавним участием страны в международной войне, что обуславливает достаточно большое наличие людей, имеющих военный опыт, навыки обращения с оружием и способных к активным действиям в экстремальной ситуации. Как правило, в обычных условиях таких особей не так

много, они распределены между правительственными гвардейцами, жандармерией, полицией и криминальными сообществами. Во время войны в условиях всеобщей воинской повинности мужское население привыкает к смерти как к работе и легко переносит практики насилия в мирную жизнь. Оценим через «0» отсутствие масштабных конфликтов (w) в течение ближайших пяти лет, «1» — наличие и опыт военных действий у части населения и «2» — большое количество вооруженных мужчин. Вторым фактором выступает демографическая ситуация (после «арабской весны» мало кто обошел тему «молодежного бугра» [25]), связанная с размером модели семейного воспитания (f). Принуждение, насилие, раннее знакомство со смертью близких, возрастная иерархия, многочисленные сексуальные запреты и обязательное включение в «производственный цикл» — все эти хорошо известные элементы повседневной жизнедеятельности больших крестьянских семей [17] формируют комплекс качеств, среди которых терпимость, диалог и сострадание точно не занимают первое место. Обозначим через «0» ситуацию, при которой большинство населения воспитывается в нуклеарных семьях, «1» — большие семьи в деревне, малые в городе, «2» — большие семьи в условиях городского образа жизни. И, наконец, третьим фактором выступает наличие сословных, стратификационных и культурных барьеров (seg). Идея о том, что в условиях конфликта проявление насилия в отношении «чужого» происходит намного легче, если участки противостояния имеют разные, закрепленные юридически, политические и социальные возможности, не имеют легальных шансов приблизиться к желаемому объему потребления, ориентирована на разные стили жизни и ценности. Порой эти группы разделены в городском пространстве и рассматривают территорию проживания друг друга либо как «гетто» и «рабочий квартал», либо как «район хулиганской охоты». В этом случае в городе идет борьба за захват публичного пространства, то есть того места, на которое все горожане имеют одинаковые права (площадь, сквер, парк). «0» — минимальные барьеры, «1» — барьеры носят преимущественно классовый, имущественный характер, привилегии не закреплены юридически, есть публичное пространство, «2» — привилегии закреплены юридически, барьеры трудно преодолимы, есть территориальная сегрегация. Таким образом, предлагаем оценивать уровень насилия как $N = w + f + seg$.

Третья группа проблем, связанных с революциями, касается последствий революции и установления либо авторитарного, либо демократического режима. Проблема веса тех или иных факторов демократизации и их роли в усилении авторитарных тенденций выходит далеко за рамки нашей работы, и здесь мы ограничимся лишь подходом, предложенным В. Гельманом [4, с. 43–52]. Условная формула демократизации может выглядеть как сумма структурных и процессуальных факторов: высокого уровня экономического развития (Es) и низкого этнического, религиозного и языкового однообразия (Mon), дополняемого необходимостью считаться с массовым участием (m), заключением внутри элитного пакта (el), международной поддержкой (is) и приверженностью лидера демократической идеологии (dl): $D = Es + Mon + (m + el + is + dl)$. Каждый из этих факторов может приобретать значение от «0» (явно отсутствует) до «2» (явно выражен) и, соответственно, означает постреволюционное движение страны либо по демократической (набрано максимальное количество), либо по авторитарной траектории. Проверим наши гипотезы на контрастных случаях.

Волна 1848 г. Франция — страна-донор. Последовательно и кратко рассмотрим причины революции, уровень насилия и формирование послереволюционного режима. Во Франции предреволюционного периода был раскол элит, который выражался в доминировании финансовой аристократии над остальной буржуазией [21, с. 18, 46], что, в свою очередь, способствовало созданию легальных парламентских оппозиций [21, с. 50] и рабочих организаций с более радикальными программами и методами борьбы [21, с. 30–35]. 24–25 февраля после решительных слов короля Луи Филиппа о недопустимости уступок оппозиции мирная манифестация вследствие случайного выстрела (эти «случайные выстрелы» являются триггерами многих революций) переходит в вооруженное восстание, национальная гвардия переходит на сторону восставших и все заканчивается победой с непременным бегством главы правительства в женском платье [21, с. 166]. Применяя нашу формулу ($R=(s+a+d) + g+ (p+i+c)$), оценим причины революции на 11 баллов ($R=(2+2+2) +1+ (2+0+2)$). Вооруженное насилие оценим, как 3 ($N= 2+1+1$) и демократизацию на 8 ($D=2+2+2+ 2+0+0$). Показатели насилия оценим выше средних, так как, хотя и большая часть мужчин имеет опыт службы и умеет обращаться с оружием, нет близкого по времени военного конфликта, нет массового перемещения крестьян в города, нет сильных сословных барьеров. В отношении перспектив демократизации Франция — страна с относительно хорошей экономической ситуацией, однородная в религиозном и национальном плане, с высоким участием масс в политике, с элитами, власть которых основана на «государственном интересе», что и служит основанием пакта между ними. Нет влияния других государств, лидеры не разделяют демократические идеалы и убеждения. Это, собственно говоря, и показали итоги декабрьских выборов, победитель которых, племянник Наполеона, Луи Наполеон Бонапарт в течение короткого времени реставрировал монархию.

В рассмотренный период Пруссия и Россия — аграрные страны, абсолютные и сословные монархии, находящиеся на периферии складывающейся «мир-экономической» системы с серьезным военным бюджетом и большим влиянием военных на все стороны общественной жизни. Самое серьезное различие — размеры стран, объем и скорость включения в мировую капиталистическую экономику (в Пруссии все происходит быстрее и болезненнее) и проблемы формирования национальной идентичности. Пруссия — одно из 36 германских государств и обществ, стремящихся к объединению. Россия в этот период, по меткому замечанию М. Геллера, «на экономический вызов Запада дает идеологический ответ, провозгласив экономическую отсталость высшим проявлением духовной мощи» [3, с. 17]. Двухлетний экономический кризис, предшествующий «весне народов», неурожаи зерновых и картофеля, дороговизна, тиф, ухудшение питания и падение реальной заработной платы — так выглядит ситуация накануне революции [21, с. 278]. В этот момент в Берлине проживает 400 000 жителей, из них две трети составляют бедные рабочие кварталы, расположенные на окраинах [1, с. 78–79]. Толчком берлинских событий служит революция во Франции, страны более успешной в экономическом плане [13, с. 32–33]. Франция выступала как образец для подражания с прямыми пропагандистскими ссылками. «Немцы! Наши братья во Франции...», — так начинается одна из берлинских листовок [15, с. 63]. 13 марта жители Берлина, собравшись в очередной раз под «Палатками» и не получив вразумительного ответа на свои требования, изложенные на имя короля, все

более и более возбуждались благодаря известиям о новых успехах извне. Однако в отличие от Франции власть делает упреждающие действия для стабилизации обстановки. 18 марта в берлинской городской газете публикуются два королевских рескрипта о свободе печати и необходимости конституционного устройства. Счастливая толпа заполняет дворцовую площадь, во время коллективного и верноподданного экстаза неожиданно звучат два выстрела, и это служит началом строительства баррикад и вооруженного мщения [1, с. 130–138].

В России об альтернативных идеологических проектах знали единицы (учтем, что уровень грамотности в это время, по оценке Хобсбаума, составлял около 2%) [27, с. 193]. Сведения о революции приходят с запозданием примерно на 12 дней, и официальная пресса перепечатывает в основном публикации французских реакционных изданий. Крестьяне западных губерний питаются фантастическими и противоречивыми слухами о революционных событиях, среди помещиков временами возникает легкая паника. Первые ждут освобождения извне: «от французов», «белых арапов», «пяти держав» и явления умершего в 1831 г. императора Константина-освободителя. Вторые единодушно пишут патриотичные адреса и собирают деньги Николаю, «виновнику нашего благоденствия» [22, с. 248–251]. Здесь нет оппозиционных элит. Точнее есть недовольные монархом влиятельные сановники со своими клиентами (прежде всего, Н. С. Мордвинов и А. Б. Куракин [14, с. 62]), есть группы, активно обсуждающие выбор дальнейшего пути развития (знакомые со школьной скамьи славянофилы, западники и «разбуженный» Герцен). Есть даже раскрытый заговор Петрашевского — яркий пример первой полицейской провокации [14, с. 71], но обеспеченной ресурсами и организованной оппозиции нет.

Применяя наши формулы к Пруссии, получим $R=(1+2+1) + 1+ (2+2+1) = 10$, $N= 1+1+1=3$, $D=1+1+1+0+0+0=3$, что объясняет попадание страны в революционную волну, относительно невысокий уровень насилия и последующий консервативно-авторитарный поворот. Понятно, что в России вообще шансов на революцию не было ($R=(0+0+0)$).

Проверим перспективность нашего подхода на другой революционной волне. Рассматривая события «арабской весны», также принято отмечать, что ее началом был мировой кризис 2008–2009 гг., когда рост цен на продовольствие и уменьшение туристического потока в первую очередь ударили по нефтедобывающим странам, к числу которых относится Иордания [11, с. 79]. Интересно, что здесь показатели страны донора (Туниса) ниже, чем у страны участника (Сирии). Оценим ситуацию в Тунисе как $R= (2+1+0) +1+(2+2+2) =1$. Есть раскол элит (прежде всего, экономических), вызванный 23-летним правлением Зин эль-Абидин Бен Али, подчинившего вместе со своим ближайшим семейным окружением все перспективные отрасли экономики. Однако основные революционные действия происходят после триггерного события — самоожжения торговца фруктами Мохаммеда Буазизи [10]. Социальные волнения перешли в активные антиправительственные действия, бегству президента, формированию нового правительства с последующей победой на выборах исламской, а далее светской партии ($R=1+2+0=3$, $D=2+2+ 1+1+2+2=10$), хотя в стране и был средний уровень насилия, достаточно вы-

сокий уровень экономического развития, религиозная и национальная однородность, поддержка демократических стран и демократия как основа национального консенсуса.

Режим в Иордании и Сирии можно охарактеризовать как патримониальный, что подразумевает использование политической власти доминирующей группой в личных интересах. Но если Иордания — типичная патримония, и источники легитимности монархической власти берут начало в традиционных общественных отношениях, то Сирия — образец неопатримонализма, и использование власти, и контроль экономики одной семьей сорок лет (Хафез Асиз, отец действующего президента имел прозвище «арабского Сталина» [20, с. 79]). Здесь закамуфлированы идеями «арабского социализма», партийными структурами и «фасадными» институтами народовластия. Хотя обе страны относятся к исламскому ближневосточному ареалу, но Иордания — суннитская страна, а Сирия, где большинство населения придерживается суннизма, управляется алавитами (сектантами-еретиками с точки зрения традиционного ислама) и поддерживает шиитский Иран. В обеих странах происходит рост образованного молодого населения, не имеющего широких возможностей для профессиональной и карьерной самореализации, но если Сирия — нефтедобывающая страна со всем предлагающимся комплексом сопутствующих этому чудесному обстоятельству благ и проблем, то в Иордании своей нефти нет.

Кризис усилил высокую безработицу среди растущего числа образованной молодежи (в Сирии, например, в результате поощрения рождаемости население с 5 миллионов в 1963 г. увеличилось до 22,5 миллиона на 2013 г.). На фоне ухудшения экономических возможностей стало отчетливо проявляться богатство и коррупция правящей элиты. Засуха в Сирии, ударившая по традиционным районам проживания суннитов (результат построения в Турции гигантской плотины), привела к разорению крестьян, которые устремились в города, дополняя традиционные волны палестинских беженцев [10].

В основе стабильности Иордании — личный авторитет и бытовая скромность монарха, прямого потомка пророка Мухаммеда и традиционно взвешенная политика по отношению всем группам населения. Самая серьезная проблема — наличие большого числа палестинских беженцев, и «этноконфессиональные» конфликты решаются через искусную игру королевского дома с институтами представительной власти [2, с. 156–161]. 1 февраля 2011 г. король Иордании Абдалла II на фоне требований оппозиции отправляет правительство в отставку, повышает зарплаты госслужащим и с финансовой помощью Саудовской Аравии, США и ЕС начинает регулировать цены на топливо и продукты первой необходимости [25]. Иная ситуация в Сирии, где в 2005 г. была попытка государственного переворота, а также сомнительное для большинства суннитского населения участие в ирано-иракской войне на стороне шиитского Ирана и проигрышное противостояние с Израилем [8, с. 224]. В армии, где ядро командного состава и спецслужб традиционно составляют единоверцы Башира Асада — алавиты (меньшинство населения 13% к 73% суннитов [10, с. 125]), на нижних уровнях БААС (руководящей и направляющей силы арабского социализма) появляется и крепнет недовольство верхними эшелонами армейского и экономического руководства. Силловые струк-

туры к тому же являются и партийными, и бизнес-структурами. Если учесть семейное управление страной кланом Асадов последние 40 лет, при котором только его дяде принадлежит 40% экономики, делают туманными любые карьерные перспективы молодежи. Ориентированная на западные ценности, интеллигенция, внутренняя оппозиция в партии, исламская оппозиция во главе с «братьями мусульманами» и курдская оппозиция — это только крупные блоки враждебных режиму коалиций с собственными ресурсами и своими источниками международной поддержки [26, с. 122]. В Сирии массовые гражданские протесты начались с 15 марта 2011 г. в городе Дария с ареста и пыток пятнадцати подростков за антиправительственные граффити, 18 марта в пятницу началась демонстрация. Правительство президента Башира Асада пыталось решить дело репрессиями (3 июня в городе Хаме использованы были танки), отставками, реформами и уступками, самой серьезной из которых была отмена чрезвычайного положения, действующего на территории Сирии почти 50 лет. Это не помогло, 29 июня группа дезертировавших военных создала Свободную армию Сирии, что означало конец революции и начало гражданской войны ($R = (2+2+2) + 1 + (2+2+2) = 13$, $N = 2+2+2 = 6$, $D = 1+0+0+0+0+0=1$). Как видно, революция в Сирии была неизбежной, связанной с массовым насилием и небольшими шансами на демократизацию в обозримом будущем. В Иордании нет признаков и сведений о расколе элит, противоречия решаются в рамках политической системы и пока не видно активных антиправительственных действий ($R=0$).

Таким образом, будем считать, что предложенный макроисторический подход в изучении революционных волн выдержал пилотажную проверку. Разумеется, списки волн будут расширяться, показатели факторных оценок уточняться. Пока лишь предложенный материал неполных двух волн (мы взяли только яркие страны-случаи) дает основания для формулировки гипотезы о том, что попытка элитарных групп искусственно застопорить модернизационные процессы (бюрократизацию, секуляризацию, индустриализацию и коллективное разделение власти) переносит политическую активность из залов и кабинетов на улицы. Но улица, как правило, не говорит рациональным языком.

Литература

1. Блос В. Германская революция: история движения 1848–1849 г. в Германии. М.: Гос. изд-во, 1922. 528 с.
2. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2015. 624 с.
3. Геллер М. История Российской империи. Т. III. М.: МИК, 1997. 304 с.
4. Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ–Петербург, 2013. 256 с.
5. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
6. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 192 с.
7. Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. 456 с.
8. Исаев Л. Сирийский тупик: «арабская весна» завершилась // Неприкоснов. запас: дебаты о политике и культуре. 2012. № 2. С. 233–241.

9. Кива А. В. «Арабская весна»: причины и вероятные последствия // *Обществ. науки и современность*. 2012. № 5. С. 121–130.
10. Кива А. В. «Арабская весна»: свет и тени // *Новая и новейш. история*. 2015. № 4. С. 73–86.
11. Кудряшова И. В. Европа и «арабская весна» // *Актуал. пробл. Европы*. 2012. № 3. С. 18–41.
12. Коллинз Р. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС. ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
13. Ловцов Д. А. *Революция 1848 года в Германии*. М.: Моск. рабочий, 1928. 79 с.
14. Лурье Ф. М. *Политический сыск в России, 1649–1917*. СПб.: МиМ-Дельта, 2006. 399 с.
15. *Материалы по истории революционного движения на Западе*. Вып. 2: 1848-й год / под ред. Г. И. Гордона. М.: Изд-во Коммунист. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1923. 110 с.
16. Миронов Б. Н. *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVII — начало XX века*. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
17. Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр., доп.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.
18. Нефедов С. А. *История России. Факторный анализ. Т. II От окончания Смуты до Февральской революции*. М.: Территория будущего, 2011. 688 с.
19. Озеров О. «Арабская весна» в контексте глобализации, или Перезагрузка матрицы // *Международ. жизнь*. 2012. № 6. С. 86–103.
20. *Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки* / под ред. В. В. Наумкина, В. В. Попова. М.: МГИМО-Университет, 2015. 274 с.
21. *Революции 1848–1849. Т. I* / под ред. В. Ф. Потемкина, А. И. Молока. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.
22. *Революции 1848–1849. Т. II* / под ред. В. Ф. Потемкина, А. И. Молока. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 661 с.
23. Розов Н. С. *Историческая макросоциология: методология и методы*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 412 с.
24. Розов Н. С. *Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти // Полис (Политические исследования)*. 2014. № 5. С. 90–107.
25. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 года*, ред.: А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Изд-во ЛКИ: URSS, 2012. 463 с.
26. Хайдая Саргон Сирийский гамбит. Столкновение интересов в геостратегическом комплексе «большого ближнего востока» // *Россия и мусульм. мир*. 2013. № 9. С. 117–126.
27. Хобсбаум Э. *Век революции. Европа 1789–1848*. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 480 с.
28. Цирель С. В. *Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры* // *Ойкумена*. 2011. Вып. 8. С. 174–209.

RIOT, REBELLION, REVOLUTION: ORGANIZED VIOLENCE
OF CITIZENS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES

Yuriy A. Pustovoi

Cand. Sci. (Polit.), A/Prof.,

Siberian Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk 630102, Russia

E-mail: pustovoi1963@gmail.com

The article is aimed at studying revolutionary tides — series of successive revolutions as rational actions organized against the current government, involving the masses and including strongarm methods, to change the existing institutional setting. We consider revolutionary events in the context of key modernization processes: bureaucratization, secularization, capitalist industrialization and separation of powers based on collegially. The attitude to such processes is the reason to elites split and the spate of conflicts in cities, places with a high density of heterogeneous population. The research focuses on a comparison of the events that took place in Prussia and Russia in 1848, Syria and Jordan in 2011. We have used the macrohistorical approach as the main method, and the complex of historical and cross-cultural studies, memoirs and publicism as the empirical base. Comparison of economic, demographic, cultural, historical, ideological and military factors makes it possible to single out general and specific trends in the emergence and development of revolutionary situations, and to explain the development of authoritarian or democratic regimes at societies which "survived" the revolution.

Keywords: revolutionary tides; revolution; People's Spring; Arab Spring; Velvet Revolution, causes of revolutions; modernization; city; elites; macrohistorical approach.